

на ногтевую фалангу, со стопы). Следует отметить, что в результате проведенной пластической операции могут остаться элементы «старого» папиллярного узора, например, по краям пальца, отображение которых в следе может указывать на проведенную трансплантацию. В отдельных случаях по таким следам возможно проведение идентификации;

изменение папиллярного узора в результате воздействия на него химическими реагентами. Например, кислота или щелочь. Однако следует отметить, что применение химических реагентов не полностью уничтожает папиллярный узор, а изменяет его на значительное время, после которого все равно папиллярный узор восстанавливается и будет возможно проведение идентификации;

изменение папиллярного узора в результате его физического (механического) повреждения. Связан с кратковременным повреждением папиллярного узора, который восстанавливается через определенное время. При этом, если удаление происходило с помощью ножа, наблюдаются обширные порезы;

возрастные изменения папиллярного узора. Ряд авторов выделяют и эти изменения, происходящие во всей площади кожи человека, в том числе и на ногтевых фалангах пальцев, уменьшаются эластичность кожи и высота гребней папиллярного узора, и др. Однако степень возрастных изменений слишком незначительна, чтобы затруднить идентификацию, об этом свидетельствует ряд научных исследований разных лет. Возрастные изменения также не представляют проблем для большинства современных автоматизированных средств сбора и обработки дактилоскопических следов.

Знание данных факторов, грамотное владение ими и умение правильно их устанавливать и оценивать позволит судебному эксперту сформулировать обоснованные выводы в заключении эксперта, а сотрудникам иных правоохранительных органов грамотно оценить и использовать заключение эксперта для раскрытия и расследования уголовных дел, установления виновных лиц.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

А.В. Балиткин

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ

На современном этапе развития общества одной из наиболее актуальных проблем для любого государства является распространение наркомании, которая, будучи социально-негативным феноменом, влечет за собой не только причинение вреда здоровью наркопотребителей, но и криминализацию самых разнообразных областей социального пространства, обуславливает появление новых свойств современной преступности. Наиболее эффективно противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (далее – наркотики) осуществляется применением оперативно-розыскных мер. В свою очередь, решение задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД), как и любой социально полезной деятельности, представляется возможным лишь при совместных усилиях заинтересованных субъектов. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определяются содержание и отдельные условия взаимодействия [1], что предопределяет значимость такой деятельности для противодействия преступности.

Отдельные проблемные аспекты взаимодействия нашли свое отражение в работах Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, А.Р. Белкина, Р.С. Белкина, А.В. Башана, И.И. Басецкого, Г.А. Корнилова, В.А. Жбанкова, А.С. Самоделькина, А.Н. Тукало и других, трудами которых, несомненно, внесен существенный вклад в разработку теоретических основ взаимодействия в ОРД. Вместе с тем разработанные ими рекомендации не отражают всего многообразия особенностей организации и правового обеспечения совместной деятельности оперативных и следственных подразделений.

Принимая во внимание, что определение изучаемого явления служит методологическим инструментом познания, представляет интерес исследование сущности взаимодействия в теоретическом аспекте. Ретроспективное исследование литературы позволяет сделать вывод, что попытки сформулировать определение взаимодействия предпринимались практически с момента появления науки ОРД. Полагаем нецелесообразным детально останавливаться на взглядах советских ученых, так как в данный период исследования проблемы взаимодействия характеризуются наличием лишь двух органов, осуществляющих ОРД, – Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, а сама деятельность рассматривалась, в первую очередь, как средство обеспечения уголовного процесса.

В постсоветский период, с формированием правовой регламентации ОРД, продолжились изыскания, однако до настоящего момента этот вопрос остается дискуссионным. Н.П. Голядин определяет взаимодействие как основанную на законодательных и подзаконных нормативных актах деятельность ограниченного круга субъектов в режиме строгого соблюдения секретности и конспирации по согласованию и осуществлению мер, направленных на получение информации о группе внешних объектов, требующих последующего правового воздействия [2, с. 14]. Безусловно, этот подход представляет определенный научный интерес, однако, полагаем, отражение «секретности» и «конспирации» в качестве признаков взаимодействия не всегда целесообразно, так как данные категории относятся к ОРД в целом.

Изучив различные научные взгляды, считаем обоснованным подход к пониманию взаимодействия, с учетом разграничения компетенции его субъектов, предложенный С.Д. Назаровым. Взаимодействие понимается автором как основанная на законе и осуществляемая в пределах своей компетенции согласованная деятельность, направленная на обеспечение задач борьбы с преступностью на основе комплексного подхода и наиболее эффективного использования имеющихся в распоряжении сил, средств и методов [3, с. 12–13]. Данное определение создает научную основу системного подхода к решению задач ОРД взаимодействующими субъектами. Примечательно, что ведомственная компетенция как фактор взаимодействия в дальнейшем нашла отражение в работах других авторов [4, с. 14]. Более того, отдельные исследователи отмечают, что «в основе взаимодействия лежит строгое распределение обязанностей с учетом специализации каждого из взаимодействующих подразделений» [5, с. 114], т. е. определяют разделение компетенций как принцип, лежащий в основе взаимодействия, что, на наш взгляд, является

ся вполне оправданным и достаточно аргументированным. Применение изложенного подхода к пониманию сущности взаимодействия позволяет все многообразие его организационных форм классифицировать по родовому признаку организационной принадлежности субъектов на внутриведомственное и межведомственное, к которому, в частности, относится взаимодействие оперативных и следственных подразделений, осуществляемое в совместном производстве следственных действий, предоставления и представления материалов ОРД, исполнении отдельных поручений, участии в проведении процессуальных действий.

В настоящий момент сформирован эффективный механизм взаимодействия между следователями и оперативными сотрудниками, в связи с чем проблемные аспекты возникают локально и не носят системного характера, за исключением применения нормы о даче следственным подразделением поручения органу дознания. Изучением состояния взаимодействия выявлена тенденция направления следователями в порядке ст. 184 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [6] абстрактных и однотипных поручений, которые часто не содержат указаний о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и производстве процессуальных действий в отношении конкретных лиц, возможная причастность которых к совершению преступления установлена в ходе расследования. Более того, во многих случаях вовсе поручение ограничивается фразами общего содержания как-то отработать ранее судимых лиц и лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за незаконный оборот наркотиков, и т. п. Отсутствие персонифицированного круга лиц, в отношении которых необходимо проведение ОРМ, конкретных указаний об их проведении существенно снижает эффективность работы оперативного сотрудника, необоснованно увеличивая документооборот.

Решением данной проблемы является создание практики направления поручений, содержащих конкретные действия, которые необходимо выполнить, как правило, в отношении указанных в поручении лиц. В свою очередь, создание такой практики представляется возможным путем принятия соответствующих организационных мер либо нормативного закрепления прав и обязанностей взаимодействующих субъектов. В связи с чем ч. 4 ст. 184 УПК предлагается дополнить следующими словами: «Поручение дается в письменной форме с указанием конкретных действий (мероприятий) и лиц, в отношении которых их необходимо произвести (провести)». Создание подобной практики позволит повысить качество взаимодействия органов внутренних дел и Следственного комитета при расследовании наркопреступлений.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Голяндин, Н.П. Взаимодействие оперативно-поисковых подразделений с другими оперативными подразделениями органов внутренних дел в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н.П. Голяндин ; Акад. МВД России. – М., 1997. – 19 с.

3. Назаров, С.Д. Взаимодействие аппаратов по борьбе с организованной преступностью с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / С.Д. Назаров ; Волгоград. юрид. ин-т МВД России. – Волгоград, 1997. – 22 с.

4. Баландин, Д.А. Взаимодействие оперативных подразделений исправительных колоний Минюста России и органов внутренних дел в борьбе с экономическими преступлениями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.А. Баландин ; Акад. упр. МВД России. – М., 2004. – 27 с.

5. Галахов, С.С. Правовые и организационные основы деятельности подразделений специальных технических мероприятий органов внутренних дел и перспективы их развития / С.С. Галахов, В.Н. Копытин ; ВНИИ МВД России. – М., 2003. – 288 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.985

Д.В. Гриб

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШАЕМОЕ ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сегодня информация представляет собой один из важнейших ресурсов, способствующих обеспечению функционирования организаций, а также является основой процесса глобализации общественных отношений. Вместе с тем цифровизация общества и государства оказала негативное влияние на рост преступлений в сфере информационных технологий.

В этой связи своевременной реакцией белорусских законодателей стало введение 9 июля 1999 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) ст. 212 «Хищение путем использования компьютерной техники», которая установила новую форму хищения – использование компьютерной техники. Кроме того, 26 мая 2021 г. внесены изменения в диспози-

цию ст. 212 «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации».

Вместе с тем в ближайшей перспективе аналитики прогнозируют значительный рост числа таких преступлений. В подтверждение данной позиции следует отразить тот факт, что удельный вес регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 212 УК, в структуре преступлений против собственности имеет тенденцию к неизменному росту и составляет уже не менее $\frac{2}{3}$. В частности, рост числа преступлений, предусмотренных ст. 212 УК, в 2019 г. по отношению к 2012 г. составил более 400 %. Более того, ущерб от таких преступлений превысил в разы объем похищенных средств другими преступными способами. Вместе с тем количество возбуждаемых уголовных дел по ст. 212 УК существенно больше, чем направлено в суд. Указанные факты свидетельствуют о возрастающей общественной опасности таких преступных деяний в информационном обществе.

В этой связи в современной науке особую остроту приобретает тема, касающаяся необходимости криминализации данного способа хищений. В узком смысле криминализация представляет собой признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым [1, с. 75]. В качестве общего основания криминализации деяний выступает переоценка степени их общественной опасности в силу воздействия на волю законодателя объективных факторов развития общества и государства, в то время как причинами криминализации деяний является, как правило, отсутствие закрепления в уголовном законе новых, относительно недавно возникших угроз объектам (обособленным сферам общественных отношений), находящимся под уголовно-правовой охраной [2, с. 271]. Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Епифановой, которая указала, что общественная опасность выступает в роли признака, который позволяет отграничить преступление от иных правонарушений: административные правонарушения, гражданско-правовые деликты являются вредными для общества или конкретного лица, асоциальными, но не общественно опасными [3, с. 47].

Кроме того, криминализация хищений имущества путем модификации компьютерной информации прежде всего обусловлена тем, что возрасла их общественная опасность. В связи с чем следует указать, что информационные технологии широко применяются в преступных посягательствах виновных лиц, которые в подавляющих случаях друг друга не знают, и их взаимодействие осуществляется с помощью виртуальных средств идентификации [4, с. 18].

Более того, повышенная общественная опасность таких хищений обусловлена транснациональным характером их совершения, как пра-